

Смерть немецким оккупантам!

Зенитники
64.

На обложке — расчёт младшего сержанта
Лупанина С. П. у своего орудия (батарея старшего
лейтенанта Платова);

Расчёт сбив самолёт противника «Ю-87».

№ 50 $\frac{\Gamma-2}{314}$ Смерть немецким оккупантам!

Из серии
„В БОЯХ
ЗА ГОРОД
ЛЕНИНА“

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

ЗЕНИТЧИКИ

ОТДЕЛЕНИЕ ВОЕНИЗДАТА НКО СССР
при Ленинградском фронте

Ленинград—1943

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Десять дней на переднем крае. — <i>Капитан В. Анфингер</i>	3
Батарея Платова. — <i>Павел Лукницкий</i>	22
Младший сержант Василий Новиков. — <i>Лейтенант Л. Бромберг</i>	72
Санструктор Людмила Федорова. — <i>Б. Семёнов</i>	77

Редактор капитан *П. Яцынов*

Г7453

Печ. л. 5. Подп. к печ. 19/1 1943 г.

Зак. 11

2-я типография Воениздата НКО СССР имени К. Ворошилова

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Один из сентябрьских дней 1942 года навсегда останется в памяти зенитчиков Н-ского подразделения. По приказу командования в этот день предстояло занять новый боевой участок. Быстро был принят походный порядок. Громко и бодро зазвенели родные советские песни.

Командир части Зенгбуш поставил задачу: подразделение выдвигается на передний край, чтобы зенитным огнём обеспечивать переправу через реку наших наступающих подразделений.

Пункт переправы, направление намечаемого удара ясно говорили о серьёзности, о большой важности предстоящих боёв.

После первого перехода подразделение остановилось на привал в пункте X. Командование, уточнив задачу, наметило огневые позиции батарей. Весь личный состав был собран на митинг перед последним броском. Уверенные и бодрые лица. Люди поклялись

победить. Перед Родиной, перед Сталиным поклялись.

...Начался последний переход. До рассвета надо быть на огневых позициях. Воздушные фашистские пираты должны скорее почувствовать силу огня советских зенитчиков, и люди настойчиво двигались вперёд, преодолевая тьму, непролазную грязь и ухабы. Казалось, что нет таких путей, которые не могли бы пройти люди нашего подразделения — упрямые, уверенные в себе, не падающие духом и не теряющиеся от задержек и неудач. Молодые, малоопытные водители машин соревновались во время этого марша с большими знатоками своего дела, с опытными шофёрами. Только что окончивший курсы шофёров Клячко — с весёлыми, добрыми глазами, молодой, душевный парень — как будто вложил всю свою вольную и большую украинскую душу, чтобы с честью провести машину до позиции и заслужить похвалу.

Энергичный воентехник Трусилов, не теряющийся в любых положениях, считал своим долгом, своей честью, чтобы все водители работали одинаково хорошо, с огоньком, с любовью. И он этого добился. Материальная часть и люди прибыли на боевые позиции в полном порядке. Это было хорошее начало.

Сражение разыгралось на том месте, где ещё недавно царило затишье. Багряные зарницы озарили стонущий лес. Высоко поднимались столбы дыма, огня, земли. Как скошенные, падали деревья.

За артиллеристами начали действовать пехотинцы. Впоследствии об этом одна газета писала: «Бросок в атаку был столь стремительный, что первая линия немецких траншей и узлов сопротивления пала в первую же минуту... Люди дрались, как львы, презирая смерть. Они кололи фашистов штыком, рвали в клочья гранатами. Они приходили друг другу на выручку, истекали кровью, но шли вперёд».

Особенно отличилось подразделение морской пехоты.

Внезапный, стремительный удар заставил немцев принять срочные меры. Вскоре они развернули массированные действия своей авиации. Небольшой район, где развернулись бои, наши бойцы прозвали «пяточком». Однако, за десять дней боёв над «пяточком» действовало 1156 фашистских самолётов. В некоторые дни в районе боя одновременно появлялось более 300 самолётов противника.

Фашисты вынуждены были перетянуть сюда часть своей авиации с других участков фронта.

Бить фашистских стервятников должны были мы — зенитчики. Помогать нашим славным пехотинцам должны были мы — зенитчики. Одно сознание этой почётной и ответственной задачи удваивало наши силы.

Появились первые фашистские стервятники. «Ю-88» нацеливаются бомбить наш передний край. Батареи дали залп. От напряжения при звуке первого залпа у командира батареи Кабенко, сержанта Бухарина радостно сверкают глаза. Второй, третий залпы — и фашистский стервятник, подбитый, отделяется от своей волчьей стаи и идёт наутёк.

Батарея Кабенко открыла счёт мести. Началось боевое соревнование. Второй, третий налёт... Фашистские разбойники летают сравнительно низко — три, четыре тысячи метров. Мы не жалеем снарядов.

— Завтра, — говорит коммунист Хорхорин, — фашисты не будут так нагло летать. Нашего огонька хватит, чтобы прикончить их собачью жизнь.

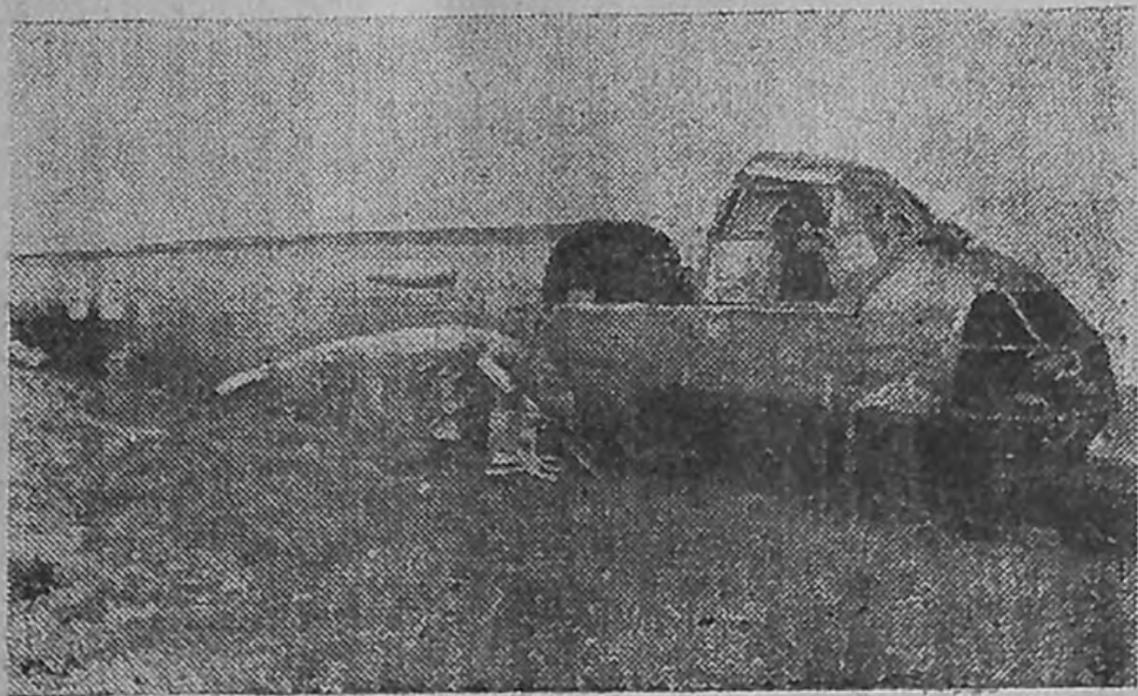
Воодушевлённый величием начавшихся боёв, личный состав подразделения обратил

*Старший лейтенант Кабенко А. Д. —
награждён орденом Красной Звезды.
Батарея Кабенко сбила семь и подавила
два фашистских самолёта*

ся с письмом к бойцам, командирам и политработникам подразделений, оставшихся на прежних рубежах:

«Товарищи бойцы, командиры и политработники!—говорилось в письме.—Великая задача стоит перед нами: отстоять славный город Ленина от немецко-фашистских мерзавцев. Не покладая рук, днём и ночью, в трудных условиях блокады героически трудятся ленинградцы, снабжая Красную Армию первоклассным оружием. Мы, зенитчики, обязаны прикрывать с воздуха великий город, кующий победу над врагом, обязаны охранять жизнь и труд ленинградцев. Мы уже накопили немалый опыт, учились лучше владеть оружием, зная, что настанет время отдать все свои знания для уничтожения гитлеровских бандитов. И это время пришло. Сейчас у нас есть все возможности отомстить врагу за разграбленные и сожжённые города и деревни, за надругательства, творимые захватчиками во временно оккупированных областях нашей Родины. Здесь мы будем безжалостно уничтожать воздушных пиратов. Ни артобстрел, ни бомбёжки с воздуха не помогут поколебать нашей стойкости и решимости уничтожать врагов. Мы призываем вас ещё лучше охранять

Немецкий бомбардировщик, сбитый зенитчиками Н-ского подразделения

ленинградское небо, ещё лучше овладеть своим оружием.

Да здравствует наш великий советский народ! Да здравствует наша великая партия большевиков! За Родину, за Сталина, вперёд к победе!»

... А события шли своим чередом.

В журнале боевых действий за этот день записано: «Авиация противника в районе Д. действовала отдельными группами от трёх до двенадцати «Ю-88» и от трёх до шести «Ю-87» на высотах 2—3,5 тысячи метров и производила бомбёжку с пикирования. Все батареи вели огонь основным способом, а батарея Кабенко — по пикирующему на батарею прямой наводкой. Батарея Кабенко пять раз подверглась бомбёжке «Ю-87» группами три—шесть самолётов. Пикирование на батарею и на передний край обороны производилось с высоты 3—3,5 тысячи метров до высоты 500 метров. Время нахождения в пике до 15 секунд. Всего через боевой участок прошло около 200 самолётов противника: «Ю-88»—127, «Ю-87»—49... Батарею обстреливали миномётным и артиллерийским огнём в течение всего дня. Батарея Кабенко сбила три самолёта: один «Ю-88», один «Ю-87», один «МЕ-109», подбила один «Ю-87».

Батарея Платова сбила два самолёта: один «Ю-88», один «Ю-87» и подбила один «Ю-88».

В журнале боевых действий следующего дня записано: «Авиация противника действовала с прежней активностью по переднему краю обороны... и по средствам зенитной артиллерии... Батареи вели огонь основным способом и по пикирующим. Сбито батареями Кабенко три самолёта: два «Ю-87» и один «Ю-88», подбит один «Ю-88».

Батареями Платова сбито два самолёта: один «Ю-88», один «Ю-87», подбит один «Ю-88». Батарея Кочеткова сбила два «Ю-87», подбила один «Ю-87». Тактика авиации противника прежняя».

О тактике вражеской авиации следует сказать несколько слов.

Налёты вражеской авиации, действующей по переднему краю наших войск, сочетались с интенсивными налётами артиллерии и миномётов. Цель врага ясна: артиллерийским и миномётным огнём помешать нашей зенитной артиллерии расстраивать боевые порядки фашистских самолётов, помешать уничтожению их.

Налёты вражеской авиации происходили:

а) по-эшелонно — один эшелон фашистских стервятников следовал за другим;

б) вражеская авиация действовала одновременно на различных ярусах;

в) самолёты противника появлялись со стороны солнца;

г) пикирование на наши огневые позиции происходило одновременно: с фронта, с флангов и с тыла.

Каждый из манёвров врага имел определённый расчёт; заходя со стороны солнца, фашисты стремились затруднить работу нашим разведчикам, помешать им своевременно определить цель; действуя одновременно эшелонами на различных ярусах, фашисты хотели дезорганизовать управление боем, расщепить огонь ЗА, сделав его малоэффективным; заходя одновременно на батарею с фронта, флангов и тыла, гитлеровцы добивались возможности нащупать слабое место в активной обороне нашей ЗА с тем, чтобы добиться возможности прицельного бомбометания на наши батареи.

Как отвечали мы на эту тактику массированных налётов фашистской авиации? Прежде всего, мы считали, что от всех наших воинов, начиная с командира подразделения и кончая рядовым бойцом, требуется соблю-

дение трёх условий: стойкости, выдержки и мужества. Не дать запугать себя врагу, не потерять самообладания — вот к чему мы стремились.

И мы достигли этого.

От командного пункта подразделения требуется ни на секунду не прекращать руководства боем. Командиру подразделения надо лично распределить огневые средства батарей: какой батарее, когда, по каким группам фашистских самолётов вести огонь. Для успеха требуется, конечно, хорошая непрерывная работа связи с батареями.

Каковы тактические правила при распределении целей для батарей, когда самолёты идут массированно, разными эшелонами на различных ярусах, одновременно заходя на огневые позиции с разных сторон? Здесь, пожалуй, невозможно дать какие-либо исчерпывающие правила. Несомненно одно: искусство расстроить замысел врага в этих условиях в значительной степени зависит от умения командира раскрыть, распознать вовремя замысел врага. Оценка обстановки и раскрытие замысла врага ещё более быстротечны, чем самый бой: минутами, даже секундами измеряется время, имеющееся в распоряжении командира подразделения.

Вот пример: самолёты врага «Ю-87» шли тремя группами, по шесть-семь самолётов в каждой, на высоте от 4 до 6 тысяч метров. Командир подразделения приказал: трём батареям открыть огонь по первому эшелону; батарее, где командиром Кабенко, при подходе второго эшелона, перенести огонь на его головные самолёты; другой батарее, где командиром Кочетков, при подходе третьего эшелона в зону огня — перенести огонь на головные самолёты этого эшелона. Таким распределением огня и затем успешным интенсивным огнём, который вели батареи, удалось расстроить боевые порядки фашистов, сбить два «Ю-87». Остальные самолёты беспорядочно сбросили свой груз, а некоторые из них ушли во-свояси с бомбовой нагрузкой.

Не менее ответственна роль командира батареи. В пятый раз «Ю-87» пикировали на батарею Кабенко. Шло со стороны солнца одиннадцать «Ю-87». Батарея открыла огонь. Скоро три «Ю-87» отделились от группы и стали уходить в другую сторону. Батарея обратила своё внимание на оставшиеся восемь «Ю-87», пикирующие на передний край. В это время три «Ю-87» оказались в тылу у батареи и вошли в пике. Разведчик доложил

о трёх «Ю-87» лишь только в самый последний момент. Опоздание разведчиков было роковым. Полностью помешать стервятникам свершить их гнусное дело не удалось. Три «Ю-87» сбросили по три бомбы на батарею. Прямое попадание бомб вывело из строя несколько человек, была порвана связь, повреждён прибор, тяжело ранен комиссар батареи Мотров. Обнаглевшие гитлеровцы сделали вторичный заход и пошли в пике. Но не тут-то было. Командир батареи Кабенко не растерялся. Отряхиваясь от земли и песка, он, оценив обстановку, быстро подал команду: «По пикирующим — огонь!» Фашистские планы были на этот раз расстроены. Один «Ю-87» был сбит. Боевой счет батареи возростал.

Из чего складывается стойкость зенитчика? В основе стойкости лежит жгучее чувство ненависти к врагу. Обладающие этим чувством люди живут только одним — отомстить фашистам за всё, что причинили они нашей стране, нашему народу, родным и боевым товарищам. В один из налётов осколками вражеской бомбы был убит красноармеец Болтенков из орудийного расчёта батареи Кабенко. Болтенков погиб на боевом посту, свято выполняя воинскую присягу.

Вечером, когда затих бой, перед строем батареи, под орудийный салют, Болтенкова похоронили на огневой позиции. Весь личный состав батареи дал клятву — отомстить за гибель верного сына Родины.

На следующий день в котёл с варившейся пищей угодила мина, и люди остались без горячего. В болотистой местности у людей промокла одежда. Ноги тоже были мокрые.

— Как настроение, товарищи? — спрашиваю бойцов.

— Плохо, — отвечает за всех командир дальномерного отделения Балашенков.

— Что так?

— Боймся нехватит снарядов, слишком много сегодня бьём фашистов, — разъяснил причину «плохого» настроения никогда не унывающий Балашенков.

Отдаю распоряжение этой батарее подобрать побольше снарядов. Беседа на ходу продолжается. Бойцы высказывают свои соображения о ходе боя. Некоторые считают, что батарея много «насолила» фашистам, что они засекли нашу батарею и все силы приложат, чтобы её уничтожить.

На вопрос «Какой же вывод?» разведчик замполит Чечулко говорит:

— Вывод один—надо менять огневую позицию.

Ночью батарея перешла на новую огневую позицию.

Подобный разговор с бойцами не являлся исключением. Наши бойцы выросли. Они помнят суворовское правило: «Каждый воин—знай свой манёвр». Поэтому они осмысленно подходят к своим действиям, проявляют инициативу. Связист-линейщик Баранов, например, никогда не ждал в бою приказа исправить повреждённую линию. Днём и ночью по болотам и не обращая внимания на артиллерийский и миномётный обстрел, ходил он по линии и исправлял повреждения. Санинструктор Фёдорова знала: её помощь нужна товарищам и не может быть причин, которые помешали бы ей оказывать эту помощь. Когда её контузило так, что она потеряла слух и речь, на помощь ей пришли карандаш и бумага, но боевых друзей она не оставила. Сейчас к Люсе Фёдоровой возвратились и слух и речь. Она попрежнему весела, бодра, жизнерадостна. Ещё ближе, роднее стала она друзьям по оружию.

Замечательно сражались зенитчики. Люди превосходили друг друга в стойкости и спокойствии в самые напряжённые моменты боя.

Потери, которые несли мы, вызывали лишь ожесточение и яростную ненависть к врагу. Одна из батарей вела огонь по самолётам врага. Враг неистовствовал. Через некоторое время он начал артиллерийский и миномётный обстрел одновременно с авиационными налётами. Смертельно был ранен командир батареи Бавыкин. Умирая, Бавыкин сказал: — Держитесь, товарищи, и вы победите.

Несмотря на то, что батарея первый раз участвовала в боевых операциях, высокий боевой дух владел всеми. Младший сержант Лапшин заменил раненого командира взвода, красноармеец Кугель заменил раненого командира отделения связи, красноармеец Ермолаев заменил раненого командира разведки.

Особенно отличился ефрейтор Новиков. На батарее происходило заседание партийного бюро, где принимали в ряды ВКП(б) 27 бойцов и командиров, отличившихся в боях. Была солнечная, ясная погода. Фашистский аэростат, поднявшись в воздух по ту сторону реки Н., просматривал наши позиции. Начался артобстрел, корректируемый с этого аэростата. Снаряды разрывались около батарей, на огневой позиции. Была разрушена землянка, выведено из строя орудие,

три человека получили ранения. Но ни на одну минуту не прекращалась нормальная боевая работа батареи. Били наши зенитки, заседало партийное бюро. В перерыве боя ефрейтор Новиков был принят в ряды партии. Несколькими минутами позже Новикова ранило, но он не захотел уйти из строя. А когда его орудие получило повреждение, Новиков стал командовать другим орудием и сбил два вражеских самолёта. Раненый Новиков говорил: «Воинскую присягу я принимал не зря. Буду бить фашистов до последнего дыхания».

На следующий день, когда ещё чуть голубело небо перед рассветом, в воздухе уже появились немецкие бомбардировщики. Длинные жерла зениток вновь нацелились вверх.

— Огонь!

Разрывы ложатся по пути немецких самолётов, разбивают их строй. Несколько бомбардировщиков отделяются от группы. Включив воюющие сирены, они пикируют на батарею, сбрасывают бомбы. Командир Кочетков командует:

— Огонь по пикирующим!

Зенитчики не дрогнули. Так же громко, уверенно выкрикивает высоту стереоскопист Рабинович. Наводчик одного из орудий

красноармеец Мухачёв прильнул к визиру. Он не выпустит цели. Выстрел — и «Ю-87», охваченный пламенем, падает на землю.

Ранен сержант Уланов.

— Ничего, — кричит он бойцам, — мы им ещё всыплем!

Сержант не уходит от своего орудия. Второй пикировщик врезается в землю.

Зенитчики оказались сильнее. Победила стойкость!

* * *

Закончилась боевая операция, в которой участвовало наше подразделение. Наш итог: за десять дней сбит 21 и подбито 8 самолётов противника. Неплохой итог.

Большое удовлетворение нашей работой выразил командир стрелкового соединения.

— Когда над нами летали вражеские бомбардировщики, — сказал генерал, — мы думали, что нам придётся гораздо хуже, чем это оказалось на деле. Ваши зенитные залпы хорошо помогли нам. Вашим успехам, вашему удачному огню по врагу всегда радовались наши бойцы.

Командование соединения отметило работу зенитчиков. В приказе была объявлена бла-

годарность всему личному составу нашего подразделения «за хорошую борьбу с вражескими самолётами во время боевых действий дивизии».

Из участников сентябрьских боёв пятнадцать красноармейцев, командиров и политработников награждены правительственными наградами — орденами и медалями. В числе награждённых: орденом Красного Знамени старший лейтенант Платов Я. С., орденом Отечественной войны 2-й степени — старший сержант Байшир Ф. И. и старший сержант Скуратовский В. И., орденом Красной Звезды — старший лейтенант Кабенко А. Д. и лейтенант Серпиков Г. К.

Капитан В. АНФИНГЕР

БАТАРЕЯ ПЛАТОВА

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ СЕКУНД

Над белым кругом снежных пространств— серая чаша небес. По одной половине, её ободок — тёмная каёмочка леса. По другой—окраинные дома Ленинграда. А в самом центре — четыре устремлённых в небо белых ствола. Это зенитная батарея Платова и над ней не летают немцы. Таких батарей вокруг Ленинграда много, и немцы боятся их. Прошли те времена, когда воздушные пираты буравили наше небо во всех направлениях, неся к городу Ленина десятки тяжёлых бомб. В ту пору ленинградское небо было поистине горькою чашею, мы все испили её. Нынче времена Отечественной войны стали иными повсюду. Об этом знают Сталинград и Дон, и Нальчик, и Ржев, и Великие Луки. Об этом знает весь мир. Отдельный, воровски проникший к Ленинграду фашистский самолёт стал теперь редкостью, и каж-

дый такой случай обсуждается зенитчиками, как чрезвычайное происшествие. Кто из наблюдателей виноват? Какие из пунктов ВНОС прозевали врага?—«...Несколько постов наблюдения из подразделения Ставропольского не сумели обнаружить шедшую через их зону цель. Позорный случай!»... Так говорит в своей передовице газета вносовцев и зенитчиков. Ибо нынче фашистский бомбардировщик уже не разбойная гроза, а только не ускользающая долгожданная цель для таких батарей, как зенитная батарея краснознаменца Платова.

Четыре тонких устремлённых в небо ствола... Но если, миновав колючую проволоку, мы подойдём к батарее вплотную, мы увидим подобие крепко сложенного форта. В бетонных котлованах — умные приборы, автоматически преследующие мгновенной и точной наводкой летящую с бешеной скоростью цель.

Едва разведчик-наблюдатель ударит в гильзу и медный клич воздушной тревоги разнесётся по батарее, — из глубоких землянок стремглав выбегут орудийщики и девушки-прибористки. Командир батареи Платов, как на капитанском мостике, встанет у биноклярного искателя. Все четыре пушки на секунду опустятся, чтоб скинуть свои чехлы,

оцять, спокойно нацеливаясь, устремятся в небо и от каждой из них прозвучат голоса:

— Первая готова!

— Третья готова!

— Вторая...

Прошло только двадцать секунд!

Командир батареи резко, отрывисто командует:

— Над первым! Темп пять!—И услышит четыре ответа:

— Цель поймана!

Под током уже работают синхронные кабели; высотомер считывает измерения высоты; на планшете-построителе откладывается скорость цели: получив отсчёты высоты и — от командира огневого взвода — поправку на баллистические, метеорологические и топографические условия: «Больше 180!», командир Платов коротко произносит:

— Высота 46—40!

Тогда командир огневого взвода, высчитав по логарифмической линейке действительную скорость цели, докладывает:

— Скорость 118!

И командир батареи утвердит:

— Скорость 118!

И как только вражеский самолёт влетит в зону обстрела, сосредоточенная кудрявая де-

Бушка, олицетворяющая собой первый номер планшета-построителя, совместив стрелками разные времена полёта снаряда и цели, доложит:

— Есть совмещение!

Платов скомандует:

— Огонь!...

А на всю эту истончённую технику, предваряющую команду «огонь», уйдёт только пять секунд. Ибо секунда промедления батарейцев была бы торжеством врага.

Но все полтора года войны торжествует не враг, а Платов, и это потому, что никто из его людей ни разу ни одной нужной секунды не потерял.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

А недавно вечером было так. Старший лейтенант Якуб Платов, стоя перед никак не вылезавшей из котлована машиной пульстановки, ругательски-ругал своего заместителя:

— Не понимаю, товарищ лейтенант, какого чорта смотрели вы? Всё у вас люди, люди, забота о людях, а вот о технике заботы нет никакой! Ничего поручить вам нельзя. Почему брёвна не подложили под левое ко-

лесо? Выезжать пора, а тут бегай сам по всей колонне да смотри, где кто опростоволосился!

Широколицый, шахтерски широкий в плечах, лейтенант Георгий Корнеевич Серпиков стоял перед командиром на-вытяжку. Тот — маленький, экспансивный, вёрткий, — грозно насканивал на него.

К машине подошёл командир пулбустановки степенный ефрейтор Исаенко с группой бойцов. Навалились дружно, машина выехала. Платов мгновенно смолк.

— Ну что, откипятился? — по-домашнему улыбнулся Серпиков.

— Откипятился! — вздохнул отходчивый Платов.

— Пойдем-ка тогда кашу есть, пока ребята патроны грузят!

Серпиков давно изучил характер своего друга. Оба сидели на пустых бидонах и ели пшённую кашу одной ложкой. Второй не нашли: вся посуда была уже уложена в ящики. Подойдя к своим начальникам, ефрейтор Хлепетько поглядел на кашу, на темнеющие поодаль грузовики со снарядами, на пушки, поставленные в голову готовой к походу колонны, подумал, помялся, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, а ведь я знал, что мы сегодня выйдем!

— Почему? — оторвался от каши Платов.

— А потому, — полотенце белое мне приснилось. Уж это всегда, как полотенце белое мне приснится, значит, верное дело, мы выезжаем!

Бойцы вокруг рассмеялись. Подобные доказательства предстоящего вскоре отъезда высказывались перед тем и другими бойцами. Весёлый повар Дуся, плотная, коренастая девушка, и та говорила: «Нам здесь не жить!»

А истина была в том, что с этой расположенной в тылу позиции все давно стремились к передовой линии. И приказ батарее выйти к пункту Д., занять новую огневую позицию для прикрытия с воздуха наступающих наземных частей, был воспринят батареями, как почётный и лестный подарок. Надо было вырвать из рук врага и удержать за собой маленький, но существенный для будущих решающих боёв, клочок земли. Батареи были счастливы участвовать в этом деле.

Через час колонна уже шуршала шинами по шоссейной дороге. На головной, буксирующей первое орудие, машине, ехал командир батареи. Серпиков восседал на второй. Путь к пункту Д. лежал через один из пригородов Ленинграда.

Стемнело совсем. Разбираемые на дрова окраинные домишки скалили белые печи да трубы. Подступившая вплотную вторая зима блокады требовала от городского хозяйства жертв: бойцы не узнавали знакомого с юности пригородного посёлка. Освещённые синими лампочками, нагружённые досчатым ломом трамваи уступали колонне путь. Хлынул дождь, и девушки-прибористки сунули порученные им балалайки и мандолины под полы своих шинелей — девушки твёрдо решили: «воевать будем с музыкой!»... Свистел ветер, летевший с Невы, — осенний, упорный, острый...

Лабиринт пустых ночных улиц, поворот к повороту, и — снова шоссе и проплывающие во мраке деревни. В одной из них колонна остановилась: здесь, со своим штабом, батарейцев поджидал командир части.

— Ну, вот, батенька мой, — сняв очки, сказал в избе склонённому над картой Платову суховатый подполковник Зенгбуш, — утром поедешь дальше. И чтоб ты сбил десять самолётов и не возвращался, пока не собьёшь их. Понял?

— Есть, товарищ подполковник, постараюсь оправдать доверие! — скороговоркой ответил Платов.

Он и всегда был в речах, так же как и в движениях, быстр. Уж такой у него характер: за что бы ни взялся, всё делать скорее, скорее!

И утром, торопясь выезжать, он хотел ограничить завтрак сухим пайком. Но тут объявилась курносая чернобровая девушка:

— Разрешите, я окажу помощь вашему повару?

И оказалось, что колхозники этой деревни понатаסקали сюда к утру свои котлы да посуду, и некий бородач выступил с торжественной речью:

— Все для победы над врагом! Кушайте, дорогие бойцы! Наташка моя — повариха важная! А потом—побольше убивайте немцев, чтобы не летали они над советской землёй!

Наташа так быстро и так вкусно сготовила пищу, что Платову возражать не пришлось. А когда колонна трогалась в дальнейший путь, Наташа при всех батарейцах, ничуть никого не стесняясь, подбежала к серьёзному Серпикову и поцеловала его прямо в губы. Отскочила, засмеялась и крикнув: «Чтоб хорошо воевали!»—убежала в избу. Строгое лицо Серпикова расплылось в улыбке, тёмноглубые глаза стали вдруг мальчишески озорными. Серпиков вспомнил, что

ведь он, собственно говоря,—заместитель командира батареи по политчасти, и если все по его примеру...

— Вот шалая!—прервал он свою мысль, но улыбка никак не сходила с его простодушного радостного лица.

— Смотрите, товарищ лейтенант! Мы об этой ясноглазой молодочке вашей жинке напишем!—шутливо пригрозил командир орудия Байшир.

Улыбка исчезла. Серпиков насупился. Его жена Настасья Тимофеевна осталась в оккупированной немцами области. Уже больше года не знал он о ней ничего.

— Поехали!—сурово сказал лейтенант.—Заводи моторы!

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

С каждым километром дороги близость переднего края ощущалась всё явственней. Грохот орудий усиливался, миномёты оглашали лес характерным харканьем. Но что это была за дорога! Её ещё только прокладывали в чаще леса сапёры. Брёвна стланей разъезжались, свежие ветки ельника под колёсами машин тонули в болотной грязи.

Встречный транспорт, старательно пропуская шедшую на передний край батарею, сворачивал, рискуя перевалиться в болото. Никто, однако, не негодовал, не ругался. Все понимали: «Надо!». И шофёры встречных машин, не жалея ни сапог своих, ни захлёстываемых грязью шинелей, выскакивали на подмогу батарейщикам, помогали им протаскивать гушки через ямы и рытвины. Колонну вёл Серпиков, потому что Платов с двумя командирами других батарей уехал далеко вперёд, чтобы заблаговременно выбрать огневые позиции. Но вот батарейцы увидели его на свежесрубленном мостике у застрявшего здесь гусеничного трактора. Колонна остановилась.

— Ну как?—спросил Серпиков.

— Выбрал!—обрезал Платов.

— А чего сердишься?

— Место больно поганое. Пни... Повозимся!..

И оба разом глянули вверх. Вылетев из-под солнца, стайка самолётов, кружась, ныряя, с воем моторов взмывая под белые облака, затарахтела пулемётами над самой колонной. Маленький «И-16», бесстрашно атакуя четвёрку стремившихся к этой дороге «мессершмиттов», вертелся среди них вьюном. Неуклюже качнулся, сделал попытку

выравняться, но штопором, падая, пошёл к распростёртым внизу лесам...

— Сволочи! Сбили! Упал!—потряс кулаками Платов и сразу умолк: неведомо откуда взявшийся ЛАГ ворвался в строй «мессершмиттов», сшиб головного, тот вспыхнул, прочертил в голубизне небес чёрную дымовую дугу; три остальных бросились наутёк. ЛАГ гнался за ними, пока все не исчезли за горизонтом...

— Товарищ старший лейтенант! Да это никак и есть вы?

Платов обернулся. Перед ним стоял, выбравшийся из леса, загорелый, усатый боец.

— Я... А вы кто такой? Э, да это, кажись, Петров? Третьим номером под Лугой у меня был?

— Точно! Я самый и есть!—расцвёл в улыбке боец.—Где свидеться-то, через годик, товарищ старший лейтенант, довелось!

И пока грузный трактор пыхтел на мостике, а колонна ждала пути, два старых соратника вспомнили многое... Радостную дату 10 июля прошлого года, когда та—прежняя—батарея Платова сбила за день три «юнкерса», а три фашиста из их экипажей попали к нам в плен. И другую, трагическую, 10 августа, когда окружённый врагами Платов пла-

кал, разбивая по неумолимому приказу свою последнюю пушку. А вражеские самолёты, издеваясь над беспомощными зенитчиками, с высоты 20 метров штурмовали отступавших красноармейцев. И потом не было ни связи, ни продуктов; питались ягодами, десять суток выходили из жутких болот пешком...

— Весь год, товарищ старший лейтенант, я им мщу за это!—повёл бровями Петров.— В гвардии нынче я!

Трактор, наконец, съехал с моста, колонна двинулась дальше. Гвардии красноармеец Петров долго ещё стоял на обочине дороги, разглядывая с видом знатока проползавшую мимо него новую технику прежнего своего командира.

Вскоре стемнело, но зажигать фары было запрещено. Платов лежал на крыле головной машины, вслушиваясь в хлюпанье грязи под колёсами, вглядываясь в кромешную тьму:

— Правее!.. Довольно!.. Прямо!.. Левей!— кричал он назад, и шофёр яростно вертел баранку, полностью доверившись только этому голосу.

— Влево!.. Ещё!.. Правей!..

По всей незримой в ночи колонне слышались только эти напряжённые возгласы. Батареи шли рядом с пушками, оберегая их

от падения в канаву. И на каждой сотне метров перекачивали их через опасные места на руках.

В три часа ночи лес оборвался. Дальше были одни только пни, развороченная земля, воронки, ходы молчаливых траншей. Ночь здесь и там раздиралась грохотом и молниями разрывов. Враг вёл методический артиллерийский огонь. Чуть дальше над рекой вспыхивали осветительные ракеты, не умолкала пулемётная трескотня. Батарея была в полутора километрах от немцев. И Платов, рассредоточив колонну, повёл её за собою изрытую, перепаханную снарядами целиной. Корчевали пни, прокладывали в хаосе иссечённого леса проходы, машину за машиной тащили на плечах, на руках. Иные из снарядов рвались совсем близко, осколки пробиты борта трёх машин. Но вопреки сосредоточенным в физических усилиях людям было не до снарядов. И девушки-прибористки работали так же как все... Опять пошёл сильный дождь, шинели стали пудовыми. Но пушки одна за другою занимали свои места на расчищенной для них площадке. Скрипел и позвякивал шанцевый инструмент. В болотную почву врыться было нельзя. Девять девушек-прибористок и повар Дуся, навали-

вая землю, воздвигали бугры землянок, в которых можно было только лежать. Бойцы и командиры, сваливая землю между двумя рядами вбитых кольев, наращивали брустверы — укрытия для орудий и для приборов. Эти брустверы, высотой в 2 метра, являли собой инженерные сооружения, не предусмотренные довоенным уставом. Ибо кто прежде мог думать, что зенитную батарею понадобится ставить непосредственно на самом переднем крае, да вдобавок к тому — на болоте? Но каждый бруствер постепенно обрастал свежими, принесёнными на плечах брёвнами, и быстрее всех с этой работой справились орудийные расчёты Байшира и Грязнова.

Ночь давно уже сменилась утром, утро — тусклым дождливым днём, а батарейцы всё работали и работали, не замечая ни времени, ни дождя, ни грязи, ни разрывающихся вокруг снарядов.

К Платову подошёл незнакомый артиллерист со знаками различия старшего лейтенанта:

— Ну, что? Марать приехали?

— А вы кто такой? — огрызнулся Платов.

— А я ваш сосед, начальник штаба полевого дивизиона, — весело ответил пришелец, — фамилия моя Груша. Ну, приходите сохнуть, вон — метров сорок — моя землянка!..

Но сохнуть Платову не пришлось. Работа оборвалась внезапно в 3 часа дня, как только ветер разметал и отнёс за горизонт тяжёлые лохмы туч.

Резкий неожиданный выкрик разведчика, красноармейца Егорова, заставил всех кинуться по местам:

— Курсом 91, три «Ю-87», высота 25!..

И время сразу стало измеряться секундами.

— По звену «юнкерсов» темп 5!—скомандовал Платов.

Приборы взялись вырабатывать данные, стволы орудий повернулись к летящим на высоте 2.500 метров бомбардировщикам.

Платов искоса глянул на ещё не испытанных в бою девушек. Сосредоточенные, внимательные они всматривались только в свои приборы. О девушках можно было больше не думать. И Платов подумал, что немцы направляются туда, где наша наступающая в этот день пехота переправляется через реку.

В тембре голоса всех сообщающих данные был металлический автоматизм.

— Огонь!

Разрывы легли впереди цели. Головной самолёт противника, никак не ожидавший, что

напорется здесь на зенитки, резко свернул вправо, не дойдя до речных переправ. За ним метнулись вправо два других. Сделали вираж, кинулись к солнцу, и, новым заходом, из-под лучей, слепящих глаза зенитчикам, устремились к реке. Батарея Платова дала второй залп. Но «юнкеры» всё же успели войти в пике, сбросили бомбы и, резко набрав высоту, ушли во-свояси...

— Чтоб тебе пусто было! — выругался старший сержант Байшир.

Батарейцы молчали. Платов кинулся к телефону, связанному с соседним артдивизионом, имевшим впереди наблюдателя:

— Куда бомбы упали?

— В воду... Не принесли вреда... Ну, а бы-то что? Выходит, правильно я говорил? — ответил в трубку старший лейтенант Груша.

Платов рассерженно бросил трубку. И услышал выкрик Егорова:

— Курсом 91, шесть «Ю-88»...

Донесения и команды посыпались как из счётной машины:

— По группе «юнкеров»... Цель поймана!.. Дальномер 32.40!.. 32.60... 31.80... Больше 120... Высота 33.20... Скорость 112... Есть совмещение... Огонь!

Дружные залпы охватили головной самолёт. Он начал стремительно терять высоту, сделал разворот вправо, покатился, перерезая небосклон, вниз, вниз, до самых немецких траншей. Облачко дыма рванулось от земли вверх... Остальные пикировщики развернулись и, сбросив бомбы куда ни попало, ретировались.

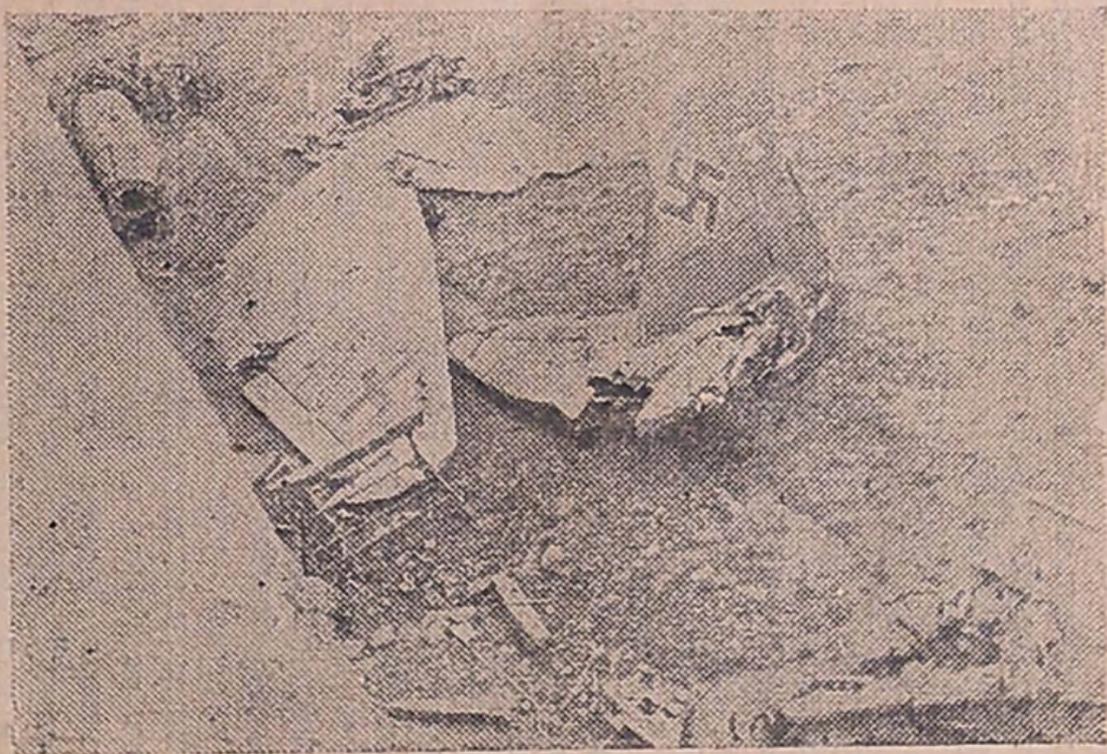
— Налетался один! Ура!—прозвенел от приборов восторженный девический голос.

И, вместо сухих лаконических формул, по огневой позиции покатались шутки и смех. А на четвертом орудии ефрейтор Скабыш спокойно, с удовлетворением заключил:

— Это месть наша немцам за поруганную Белоруссию!

Налёты на передний край и на переправы продолжались весь день. Некогда было даже перекинуться впечатлениями. Чтоб обмануть зенитчиков и рассеять их внимание, фашисты стали делать заходы несколькими группами с трёх сторон. И нужно было стрелять уже не всей батареей, а каждым орудием отдельно по разным целям. Но командиры орудий не терялись, действовали самостоятельно.

И когда быстро пойманный в прицельную трубу ефрейтором Пилипчиком «юнкерс» пикировал, Пилипчик не выпускал его из поля

Обломки сбитого немецкого самолёта

зрения до самого выхода из пикирования. И так увлекся этим занятием, что не отклонялся от трубы даже в моменты выстрелов. А сила отката орудия, стоящего на болоте, была велика, ударом трубы Пилипчику перебило переносицу. Но, едва дав себя наспех перевязать, Пилипчик снова прильнул к трубе и уже не отрывался от неё до самого вечера.

Так же неотрывно охотился за воздушной целью ефрейтор Лупанин. Он не оторвался от прицельной трубы, не дрогнул даже, когда в 5 метрах от его пушки разорвался артиллерийский снаряд. Можно ли было хотя бы прищуриться, если как раз в этот миг вражеский «юнкерс» входил в пике и нужно было дать выстрел не позже, чем через 3—4 секунды? Лупанина обдало землёй, осколки провизжали и звякнули о металл пушки, но её своевременный выстрел заставил «юнкерса» преждевременно вырваться из пике, и вражеские бомбы отклонились от цели.

А вечером, уже в темноте, когда страда сплошного дневного боя окончилась, когда Платов разбирал с командирами и бойцами результаты почти непрерывных стрельб, этот самый ефрейтор Лупанин, лежа на животе, в низёхонькой землянке, выписывал карандашом статьи «Боевого листка».

Сбитый в этот день самолёт был добрым почином. После двух бессонных ночей батареи, довольные собою, залегли спать. И, несмотря на продолжающийся обстрел, заснули спокойно здоровым, крепчайшим сном.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

— Съешь! Ну, съешь, ну, хоть с ложечки!.. Вот, чертяка, я ему принесла, а он и носа ко мне повернуть не хочет!

— Отстань, Дуся, видишь—сейчас на нас пикировать будет!

— Ну, и леший с ним... Зря я, что ли, всем вам кашу варила?

Слышались дикий свист, вой, рёв сирены. Одномоторный «Ю-87» пикировал на батарею под углом в 80 градусов. Пике длилось десять-двенадцать секунд, но пушка успевала вышвырнуть навстречу врагу несколько пудовых снарядов. Клубки разрывов выросли перед носом фашистского лётчика, немец пугался, преждевременно выводил самолёт из пике и улепётывал в сторону. Вслед за ним с той же небесной «точки прицеливания» низвергался другой, нависший там самолёт,—они шли эшелонами от трёх до двадцати враз. Их бомбы летели вразброд, па-

дали вокруг батареи, с чудовищным грохотом разрывались в болоте.

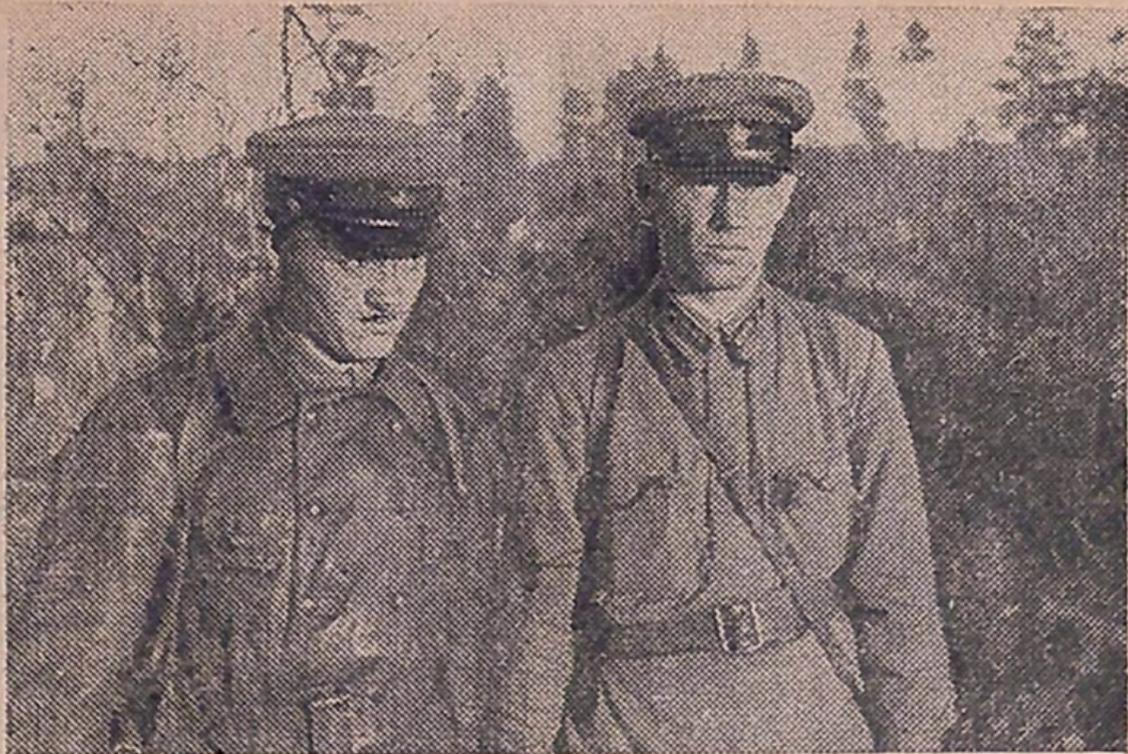
А Дуся всё уговаривала:

— Ну, вот сейчас! Ну, пока новый заход, они сделают! Ну, ешь же!

Эта канитель началась в 6.30 утра и продолжалась весь день.

Немцы решили во что бы то ни стало уничтожить мешающую им зенитную точку. За одномоторными «Ю-87» они бросали на батарею двухмоторные «Ю-88». На шестикилометровой высоте появлялись вдруг «хейнкели», швырявшие бомбы с горизонтального полёта. Пикировщики заходили к батарее с фронта, и с тыла, и с трёх сторон одновременно. Не получалось! Тогда большая группа пикировщиков кидалась со стороны солнца на передний край, а другая, маленькая, выждав, когда батарея откроет по той огонь, внезапно выскакивала короткими пике из-за леса: авось не заметят!

Но батарейщики замечали решительно всё. Им некогда было стереть пот с лица, но встретить врага снарядами они успевали в любой небесной точке. Эта стрельба была непрерывной, — опоздание в поимке цели и в открытии огня, хотя бы на секунду, грозило гибелью. Однако, никто из батарейцев этой

*Старший лейтенант Платов Я. С. (справа) — награждён орденом
Красного Знамени. Слева — заместитель командира Серпиков Г. К. —
награждён орденом Красной Звезды
Батарея Платова сбила 10 и подбила 4 фашистских самолёта.*

секунды немцам не подарил. Платов командовал с неподражаемой чёткостью. И немцы освирепели. Они открыли по батарее жестокий орудийный огонь. Снаряды рвались повсюду вокруг, осколки свистели над аккуратно работающими зенитчиками. Больше трёх десятков снарядов разорвалось в 20—30 метрах от них. Пять средних снарядов разорвались у самых орудий. В момент, когда три «Ю-87» пикировали на батарею со стороны четвёртого орудия, снаряд разорвался в трёх метрах от него. Осколком разбило «принимающий» прибор, другим осколком был ранен пулемётчик пульустановки Гудков. Но командир орудия, старший сержант Мельник, мгновенно принялся исправлять повреждение, а Гудкова заменил командир пульустановки Исаенко. И в те секунды, пока «юнкеры», завывая, неслись в пике, пульустановка бросила в небо четыре струи длинных очередей. Пикирующий самолёт охватило пламя, он рухнул вместе с бомбами в лес и взорвался. Два другие, сбросив бомбы, резко свернули в сторону и ушли. Бомбы разнесли берег речушки в двадцати метрах от батареи. Но обсыпанные землёй батарейцы торжествовали.

— Никуда не пойду! — умаливал командира батареи Гудков. — Одной рукой бить их буду!

Платов решительно приказал санинструктору Зайцеву увести раненого бойца в медсанбат.

Только к вечеру, с темнотой, немцы прекратили налёты.

И в час, когда Дуся, наконец, полноправно кормила обедом бойцов, на батарею явился сосед, старший лейтенант Груша. Перебрал на орудиях все вмятины от осколков, удивился, что, кроме Гудкова, раненых и убитых на батарее нет.

— Уважаю, браток!—заявил он Платову.—Вижу теперь, сомневался я зря. С такими, как вы, можно соседить... Пойдём ко мне в гости. Шахматы признаёшь?

И Платов решил, что после такой работы шахматы вещь полезная, хотя и чувствовал, что голова его от боевого напряжения пухнет.

К ночи на батарею заглянул представитель политотдела Бродский. С ним вместе пришёл боец-баянист. Весёлая «Комсомольская» разносилась над передним краем, дразнила немцев. А когда Бродский с баянистом собрались уходить, бойцы заявили, что им скучно будет жить без гармошки.

— Пришлю! Честное слово, пришлю, как только ещё одного фрица собьёте!

— Ну, значит, завтра ж гармошка наша!—безапелляционно констатировал ефрейтор Лупанин.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

— **С**наряды! Товарищ старший лейтенант! У нас только тридцать шесть снарядов!

Платов чертыхнулся и навалился на телефон.

В этот третий день боя немцы упорно контратаковали нашу пехоту, захватившую у них ещё ряд траншей. Вражеская авиация яростно налетала на передний край. Охраняя от бомбёжек пехоту, батарея Платова непрерывно завешивала небо заградительным зенитным огнём. Десяток пощипанных осколками «юнкерсов» только что рассеялся в беспорядке.

Но немцы вот-вот опять появятся в воздухе, а снарядов у Платова всего тридцать шесть!

«...Получите, получите!—услышал Платов в трубке далекий металлический голос.—Три грузовика давно посланы!»

— Посланы! Посланы! Это мы ещё вчера слышали!—кипятился Платов,—а где же они?!

Повадившийся навещать нового своего друга старший лейтенант Груша весело поддразнил Платова:

— Чего у тебя, снарядов нет, что ли?

— Да, понимаешь, разорви их печёнку...

— Понимаю... На дороге затор... Может, мост провалился в болото!

— А фрицы что ж, по-твоему, ждать будут?

— Зачем ждать? Ты стреляй!

— А чем прикажешь? Пнями этими, что ли?

— Ну, чего ж пнями? У меня сколько хочешь снарядов. Возьми у меня 75-миллиметровые.

Платов обозлился:

— Куда я их всуну? У меня пушки-то во семьдесят пять миллиметров!

— Подумаешь! Ерунда! Возьми тряпок, подмотай, да стреляй!

Шутка была явно неуместной, но оба расхохотались.

Трубка телефона запела. Платов оборвал смех, прислушался. Слушал, слушал и резко положил трубку:

— Знаешь, Груша, что советуют мне: «не охраняй пехоту, а храни эти тридцать шесть только для самообороны». Значит, стой, смотри, как там бомбы полетят, а сам не участвуй!

Положение было в самом деле критическим. На горизонте показались шесть «юнкеров», направляющихся к переднему краю. Платов не выдержал, вскочил, скомандовал:

— По шестёрке «юнкеров»... Темп... Чорт!... Два на орудие!

И орудия батарей повернулись туда, где на нашу пехоту через минуту должны были обрушиться десятки бомб.

Каждый зенитный снаряд стоил теперь десяти. Ни один не должен был разорваться впустую. Это понимала вся батарея жертвующая собственной безопасностью ради обороны других.

— Огонь!

Восемь драгоценных снарядов вырвались в небо. Два вражеских «юнкера», только что перешедших в пики, колыхнулись, забились в отчаянной попытке вырваться в горизонтальный полёт и, двумя огнедышащими ракетами, пошли вниз. Остальные, выгнув крутой полукруг, ушли назад, будто всё это дело их никак не касалось.

Груша взглянул на побагровевшего от возбуждения Платова и сказал только:

— Ну, знаешь!.. Завтра мне привезут водку. Можешь выпить мои сто грамм!

Через полчаса батарея отогнала ещё одну группу бомбардировщиков. На каждое орудие осталось по три снаряда.

А ещё через полчаса, завывая на кочках и рытвинах, к батарее подполз первый грузовик, тяжело нагруженный ящиками с боеприпасами.

После заката солнца на огневую позицию приехал начальник политотдела армии для вручения партбилетов батарейщикам Байширу, Корсакову, Богданову и Лупанину.

Аккуратный, тихий, с острым носом и большим умным лбом, командир орудия Фёдор Байшир, приняв билет, поднял свои тёмносерые глаза, обвёл взглядом всех окружающих и негромко, медленно произнёс:

— Этот партийный билет обязывает меня ещё точнее и метче бить по врагу, и я это своё обязательство выполню!

Все знали, что Фёдор Байшир родился в Белоруссии, а слесарем был в Симферополе. Все знали что Фёдор Байшир помнит захваченную немцами в Белоруссии сестру и расстрелянных немцами в Симферополе заводских товарищей. И потому обещание всегда немногословного старшего сержанта прозвучало как смертный приговор по крайней мере нескольким фашистским пилотам. А двенадцать тут же написанных бойцами за-

явлений с просьбой принять их в ряды кандидатов партии ещё более расширили этот приговор оккупантам. Командир пульустановки сфрейтор Исаенко в своём заявлении написал: «В дни жарких боёв я решил вступить в партию большевиков, чтобы коммунистом бить немецких захватчиков. Отомщу за поруганную Родину, мать-Украину. Сбитый здесь самолёт уже больше не появится под Сталинградом!»

Заместитель командира батареи по политчасти лейтенант Серпиков, собрав исписанные карандашом листки, сказал:

— Думаю, после победы, американцы будут специально приезжать в СССР, чтобы взглянуть в музеи Отечественной войны на такие вот заявления!

Лейтенант Серпиков до войны был преподавателем истории. И потому на все явления, даже здесь, в разгаре боёв, смотрел с исторической точки зрения.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

На следующее же утро Байшир выполнил своё обещание. Четыре «Ю-88» шли с фронта на батарею. Встреченные зенитным огнём, до батарей они не дошли и решили

Старший сержант Байшир Ф. И.—награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Орудийный расчёт Байшира сбил два немецких самолёта „Ю-87“.

спикировать на пехоту. Прямой наводкой Байшир поймал первого на пике. Рухнув на немецкие траншеи, «юнкерс» взорвался на собственных бомбах. Второй «юнкерс» был подбит, зашатался, как пьяный, с борта на борт, и, боясь той же участи, сбросив бомбы, ушёл. Бомбы упали на немцев.

И Серпиков рассмеялся:

— Заработали фрицы на завтрак!

Бойцы расчёта, торжествуя, начали было обсуждать удачу. Байшир строго сказал:

— Вообще-то у нас разговоров не положено. Тут и команды-то стараешься сжать до предела. Смотрите, ребята, внимательней — вынырнет с тыла, и прозеваете!

Байшир был, безусловно, прав. До платовцев дошла печальная весть о происшествии на одной из зенитных батарей, работавших в том же районе: три «Ю-87» оказались в тылу у батареи и вошли в пике. Разведчик-наблюдатель доложил командиру об этих трёх «юнкерсах» на несколько секунд позже, чем следовало. Опоздание разведчика было роковым: расчёты не успели отразить нападение. Девять бомб упали на батарею. Несколько человек было убито и ранено, приборы повреждены, связь порвана. И было бы ещё хуже, если бы не хладнокровие

командира батареи Кабенко. Немцы стали делать второй заход, но Кабенко не растерялся, вскочил, отряхиваясь от земли и песка, мгновенно оценил обстановку, подал команду—огнём по пикирующим. Один «юнкерс» был сбит, а два других отогнаны.

А у платовцев всё было в порядке. Весь этот день схватки с вражеской авиацией происходили каждые пять-десять минут, и артиллерийский обстрел батареи также не прекращался до вечера. Приехавшие в два часа дня на огневую позицию члены партбюро до восьми вечера не могли начать заседания по приёму в партию тех двенадцати, кто подал заявления накануне. Если бы не расторопность Дуси, которая носила миски с супом к орудиям и приборам, никто и не поужинал бы. Но Платову так и не удалось съесть свой суп. Едва, возле третьего орудия, он подсел к фанерке, прибитой к пеньку, и взялся за ложку, вражеский снаряд разорвался так близко, что землёй засыпало и Платова, и фанерку, и суп. Платов отряхнулся, стал искать ложку, но, увидев, что в миске вместо супа земляная каша, сказал:

— Ладно, давай другое!

В припрыжку проскочил сорок метров к землянке своего соседа-приятеля:

— Ну, Груша, корми! У меня авария!
И приятель, налив Платову обещанные сто грамм, разделил с ним банку мясных консервов.

В этот вечер при потаённом свете крохотной электрической лампочки в партию были приняты ефрейторы Исаенко, Пилипчик, Конопатский и сержант Крепский, и красноармеец Чеканов, и все другие, подавшие заявления. До поздней ночи продолжались разговоры о радости борьбы, о ненависти к врагу, о прошлом мире, о нынешней войне, о грядущей победе.

дождь

Два следующих дня шёл дождь. Самолётов не было. Батарейцы укрепляли инженерные сооружения, тщательно просматривали и проверяли приборы и механизмы орудий. В десятый раз Платов анализировал с командирами и бойцами все стрельбы предшествующих дней. Советам, указаниям обменивающимся опытом батарейцев не было счёту.

Позже боец Заварин песней «Играй, мой баян» испытывал присланную Бродским в подарок батарейцам гармонь. Потом жизне-

радостная прибористка Зоя Кондратьева запела украинскую песню. И тотчас же загремела другая, широкая, хоровая. А после песен все стали вспоминать прошлое, каждой девушке захотелось рассказать всё самое лучшее в её жизни. И ефрейтор Катя Вольфсон долго повествовала о том, как весело проводила она время в Петергофе в осеннем золотом парке. Зоя размечталась о дальнейшей учёбе, она прежде занималась в конструкторском техникуме: «Вот бы стать после войны инженером-конструктором!»

В других землянках бойцы забивали «козла». Платов обыгрывал Грушу в шахматы. И вдруг по всей батарее разнёсся зычный крик разведчика-наблюдателя:

— Курс 215!.. Один письмоносец!

А через десяток минут взволнованный неожиданною радостью, перед тем даже тайком (что скрывать?) прослезившийся политический руководитель батареи, сын шахтёра-здоровяка и сам здоровяк, лейтенант Георгий Корнеевич Серпиков, читал вслух удивительное, полученное им от жены, письмо. Жена его, учительница Анастасия Тимофеевна, которая вместе с детьми год назад осталась в оккупированной немцами области, и от которой четырнадцать месяцев лейтенант не имел

вестей, и которую он,—да, чорт возьми, надо признаться,—считал погибшей,—писала ему оттуда, из захваченных врагом краёв:

«...В школе не работаю, работаю в колхозе. Здесь, в тылу у немцев, существует советская власть, колхозы, парторганизация, районный совет. Район наш называется партизанским, и партизаны нас охраняют. Три раза немцы пробовали нас штурмовать, делали на наш советский район налёты карательными отрядами. Но каждый раз бывали разгромлены, несли большие потери. Выходит у нас районная газета «Ленинский клич». Партизан мы содержим, оказываем им помощь, снабжаем их продовольствием, одеждой, а оружие и боеприпасы они добывают сами... Мы ждём вас, Красную Армию, с часу на час, со дня на день. Читая сталинские приказы и выступления, мы глубоко верим, что Красная Армия скоро разобьёт ненавистного врага. Материалы эти нам доставляют партизаны и всё публикуется в газете «Ленинский клич», которая выходит регулярно... Сын, Володенька, собирается ходить в школу и говорит мне: «Мама, я возьму папкино ружьё и пойду с партизанами истреблять немцев. Я хочу помогать папке бить Гитлера». Валя, дочурка, здорова, растёт и уже всё понимает...

А получилось всё это у нас вот как. В первые дни продвижения немецкие войска сожгли почти всю деревню Семёновку, из 148 домов осталось 13. На улице казнили нашу председательницу сельсовета и пять колхозников. Их трупы повесили на площади, около здания сельсовета. И говорили всем, что тех, кто не будет слепо повиноваться немецким офицерам,

повесят тоже... После того, как передняя линия войск прошла, организовались в наших лесах партизанские отряды и ими были разбиты несколько мелких групп немецких солдат и офицеров, мало кто ушёл живым. Немцы перестали показываться мелкими группами. Но дела у них шли всё хуже, крупные части им пришлось гнать к передовым, и, с помощью партизан, мы восстановили в районе нашу родную советскую власть»...

Серпиков читал это, опущенное партизанами в ящик советской полевой почты, письмо, то мрачнел, то смеялся, и красноармеец Зоя Кондратьева молвила:

— Как в сказке!..

Немолчный гул артиллерийской канонады не мешал никому думать проникновенно и глубоко. Кто-то сказал: «Отомстим за шестерых погибших колхозников и за сожжённую деревню Семёновку», и батареи давали друг другу клятвы о мести так, как клянутся оскорблённые врагом, ненавидящие врага ленинградцы,—коротко и сурово. И только молчаливый старший сержант Байшир не сказал ничего, однако, все знали, что этот худощавый серьёзный человек с умным лбом и с презрительно-изогнутыми, редко размыкающимися губами, завтра же пойдёт фашистам не проклятия, а длинные, тонкие, в пуд весом, снаряды.

Едва первые лучи солнца прорезали поднимающийся над лесом, над рекою, над полем сражения туман,—началось нечто непостижимое. Гул надрывающейся артиллерии, разрывы мин, пулемётная трескотня сотрясали, казалось, самый туман. Незримые, над туманом, где-то высоко в небесах, роились, гудя, эскадрильи самолётов, и оттуда тоже доносилась пулемётная трескотня: только по звукам и можно было определить с земли, что там происходит жестокий воздушный бой.

Держа фуражку в руке, вертя коротко-стриженной головой, Якуб Платов пристально вглядывался в туман, вслушивался во всю эту какофонию, стараясь раскрыть, разгадать замысел врага, готовясь в любой момент сделать всё от себя зависящее, чтобы разбить зенитным огнём его тактику. Пока было понятно одно: пользуясь наступлением ясного дня, немцы предпринимают отчаянную попытку вернуть утраченные позиции. Там, за рекой, уже бьются наши пехотинцы и моряки, отстаивая тот клочок земли, которым овладели за эти дни.

Но здесь, на батарее, пока всё спокойно. Только трубочные уже с час стоят возле

орудий, держа наготове снаряды,—уперев их нижним концом в колени, охватив наконечники взрывателей ноющими от напряжения руками. Все молчат. Все, до рези в глазах, вглядываются в туман; каждый воин по-суворовски знает свой манёвр и готов немедленно, при первой необходимости, его выполнить.

Тёмный пушок лёгких пушкинских банков Платова, чуть оттопыренные уши его, острым мысом выдавшиеся над серединой лба волосы, всё как будто обыкновенно; только сосредоточенность его энергического лица, только напряжение его глаз, всматривающихся то в один, то в другой сектор тумана, говорят об овладевшем им чувстве ответственности за предстоящие действия его батареи. Но пока ещё ничего поблизости не происходит и посторонние мысли лезут в голову сами собой. То вспомнится донецкий шахтёр—отец, суровый и повелительный, то—украинский говор матери; думает ли она о нём сейчас, в своём тихом городе Горьком? Что делает там в эту минуту молодая жена-красавица? Приятно сознавать, что под шинелью, в нагрудном кармане гимнастёрки есть её фотография. Вот такие же туманы ползли по утрам над степями Бугуруслана, и

татарские глаза отчима Сахаба всегда точно определяли, сгустился ли он ещё или растает под солнцем... А гул канонады моментами напоминает стоящему на виду у всех батарейцев Якубу Платову грохоты цеха того донбассовского завода имени Сталина, где Якуб работал электрослесарем...

Лучше бы сейчас не стоять на этой подмёрзшей земле, в напряжении ожидания, а кружиться на истребителе там, над туманом, откуда доносятся длинные очереди... Смешно вспомнить сейчас, как получилось, что стал Якуб Платов не лётчиком, а зенитчиком. Пытался попасть в лётную школу, но образование для этого требовалось десятиклассное, а у него было только восьмиклассное. Ну, и рассердился, решил: «Раз в лётное не прошёл, то пусть будет насупротивное ей—зенитное»... С другого боку к авиации подошёл!

А что, всё-таки, новое придумают фашистские лётчики сейчас как только разойдётся туман? Какую ещё новую пакость готовят?

И пока Якуб Платов передумывал свои думы, прошелестел длинными струями ветер, и туман сразу поднялся, разорвался, рассеялся... И весь передний край, с набухающими то здесь, то там желтовато-белыми клубками разрывов, открылся взорам... А в голубых

небесах не оказалось ничего, будто вместе с туманом растаяла и вся авиация.

Но этой безмятежностью небес ни Платова, ни его батарейцев было не обмануть. Через две-три минуты от линии горизонта оторвалось множество чёрных, быстро растущих точек. Платов надвинул на лоб фуражку, взмахнул рукой. И сразу всё на батарее пошло как всегда — приборы, механизмы, быстрые мысленные расчёты начали боевую работу.

«Юнкерсы» и «хейнкели» летели на разных ярусах, эшелонами. Примчавшись к переднему краю, они построились так, что Платов сразу разгадал их манёвр: они хотели пройтись по первой линии траншей полосой бомб. Пушки Платова и все зенитки других батарей открыли огонь. Порядок вражеских самолётов расстроился. Бомбы пошли вниз как придётся, легли не полосой, а зигзагами, минуя линию занятых нашей пехотой траншей. Все самолёты ушли вразброд и вновь приблизились повторным заходом. Завеса заградительного огня снова встретила их. И вместо сплошной полосы бомб на переднем крае получилась только пунктирная линия взрывов. В третьем заходе враги решили положить полосу бомб на мешающие им зенитные батареи. Платов командовал, а его пуш-

ки стреляли быстрее, чем всегда. И фашисты сквозь этот огонь не прорвались. Полоса бомб легла впереди батареи на пустое болото, один «Ю-88» рухнул вниз, другой—одномоторный—был подбит и едва дотянул до расположения немецкой пехоты.

Так начался этот день.

И до самого вечера сплошные налёты не прекращались. По-эшелонно, и на различных ярусах, и рассредоточенно, и выходя из-под солнца, и пикируя одновременно с фронта, с флангов и с тыла,— все тактические приёмы, уже давно разгаданные зенитчиками, применяли немцы, чтобы осуществить основной замысел дня — пройтись ряд за рядом, полосами бомб по всей территории, занимаемой нашими действующими частями: по первой линии траншей, по землянкам командных пунктов, по речной переправе, по огневым позициям тяжёлых миномётов и артиллерии, по коммуникациям ближнего тыла.

Но везде и всюду они наталкивались на непрерывный ураганный зенитный огонь. Бомбы не успевали быть сброшенными, или летели вразброд, большая часть их не приносила вреда. Каждая из наших зенитных батарей сбила в этот день максимальное число самолётов.

На батарею Платова только успевали подвозить снаряды. В разгар налётов батарейцы давали небывалый ещё темп стрельбы: снаряд каждые три секунды. Напряжение, испытываемое людьми и орудиями, превышало всякие предвидения уставов. В расчёте Байшира от большого количества выстрелов на стенках патронника наслоился нагар. И в момент, когда группа «юнкеров» нацеливалась спикировать на батарею, при очередном выстреле произошло заклинение снаряда,— он не дошёл в патронную часть. Головной «юнкер», свистя и завывая, уже нёсся вниз.

— Опустить ствол!—скомандовал Байшир, и, схватив банник, одним скачком достиг дульной части орудия, выбил банником снаряд.

В тот же миг другим коротким банником заряжающий прочистил патронную часть,— и пикирующий самолёт врага был встречен снарядами в том же прежнем темпе: три секунды — снаряд. Разрывы вспухли перед самым мотором бомбардировщика, его пилот растерялся, сбросив бомбы, рванулся вверх. Двухсоткилограммовая бомба разорвалась в восьмидесяти метрах от огневой позиции, засыпав всех землёю и песком. Но вслед за бомбой, кренясь и шатаясь, объятый пламенем, падал на лес пробитый снарядом Байшира

самолёт. А Байшир уже не глядел на него. Скомандовав:

— Поймать вторую цель!—он встречал снарядами следующего, ринувшегося в пике, бомбардировщика. Тот тоже сбросил бомбу слишком поспешно и взмыл, спасаясь, а бомба упала в двухстах метрах от батареи, в пустое болото.

— Третья цель!—скомандовал Байшир.

Но третий бомбардировщик не решился пикировать и ушёл за вторым. И тут Байшир заметил, что в работе затвора его пушки — задержка, цапфа не зашла в гнездо, затвор вручную не открывался, рукоять, скользя, обходила вокруг валика. Всмотрелся, увидел вмятину от осколка.

На пятикилометровой высоте, со стороны тыла, показалась вторая группа «юнкерсов», идущая к батарее.

— Заменить!—коротко крикнул Байшир, и вместе с заряжающим Зариповым и с наводчиком Пилипчиком взялся разбирать механизм. И пока другие орудия батареи яростным огнём не давали «юнкерсам» пикировать, на место испорченной рукояти была поставлена запасная, и Байшир успел открыть по самолётам огонь, они рассеялись, не сбросив бомб.

В середине дня батареей был сбит ещё один самолёт, на этот раз «хейнкель», затем Байшир подбил двухмоторный «юнкерс», а несколько минут спустя у перетруженного орудия старшего сержанта Мельника не сработала автоматика. Чтобы вышла гильза заряжающий, ефрейтор Мусатов, стал открывать затвор вручную. И тут, ни с того, ни с сего, автоматика сработала, Мусатову гильзой раскроило губу так, что подбежавший к нему санинструктор Зайцев сразу определил: без наложения шва не обойтись. Платов приказал отправить Мусатова в медсанбат. Окровавленный, перевязанный Мусатов заявил, что способен идти пешком, и отправился в путь вместе с Зайцевым.

— Ну, что ж, Петя,—сказал ему по дороге Зайцев,—по приказанию командира ты останешься в медсанбате, лечиться будешь.

— Да ты что?—промычал сквозь повязку раненый,—смеешься надо мной? Что же я не ленинградец, что ли? В такое время, чтобы я остался там? Вот наложат шов, вернусь обратно на батарею!

И в тот же день ефрейтор Мусатов вновь занял прежнее место у четвертого орудия платовской батареи.

За время его отсутствия Байшир совершил ещё одно неплохое дело. Вновь взявшись обстреливать наш ближний тыл, немцы подняли в воздух аэростат наблюдения. Это грозило многими неприятностями для всех наших частей. Дав четыре точных выстрела прямою наводкой, Байшир заставил аэростат снизиться, и снаряды немецкой артиллерии опять стали падать бесцельно.

К вечеру «закомандовавшийся» Платов потерял голос и мог только шептать команды на ухо лейтенанту Полевничему,— тот передавал их, как мощный радиоусилитель.

Вечером, разгоняя и преследуя последние группы вражеских самолётов, в бой вышли наши «ИЛЫ». В хвост к одному из «ИЛОВ», внезапно вынырнув из облака, пристроился «мессершмитт». Стрелять по нему из орудий было нельзя: слишком короткая дистанция была между ним и «ИЛОМ». Платов приказал открыть огонь из пулемётов. Ефрейтору Исаенко понадобилось только три очереди, чтоб повреждённый «мессершмитт» отвалился от «ИЛА» и тот, развернувшись, пустился его преследовать.

Темнело... Все вражеские замыслы этого дня провалились. Наша пехота не отдала врагу ни метра земли. Последняя отчаянная

попытка врага вернуть утраченные позиции сорвалась.

Четыре сбитых, один подбитый и несколько повреждённых самолётов врага. Сотни сброшенных мимо цели и сотни вовсе несброшенных бомб... И, если не считать разорванную губу Мусатова,—ни одного раненого и убитого на батарее... Не прекрасный ли это был успех за день боевой работы батарейцев Платова? А за все дни боевых операций был ранен только один человек — Гудков.

Все мышцы батарейцев от усталости одеревенели. Но удача была столь несомненной, радость столь велика, что все легли спать только после десятка исполненных хором под гармонь песен. А ночью зарядил дождь, прекративший действия авиации и зенитчиков на два дня.

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ

В последний день операций, когда обесиленные немцы прекратили всякие контратаки, батареей Платова был сбит ещё один самолёт, — по счёту десятый, и батарея получила приказ перейти на новую огневую позицию. А вместе с приказом пришло письмо от командира полка:

«Товарищ Платов!

Дружески обнимаю и крепко целую тебя, как сына, как воина, как героя. Большое тебе спасибо, что бьёшь немцев. Мсти им, дорогой мой, бей до последнего гада. Слово большевика ты сдержал — молодец. Представляю тебя к награде. Очень буду рад увидеть орден на твоей славной груди. Только не зазнавайся, упорней работай и добейся, чтобы каждый твой залп поражал фрица. Рви своими боевыми снарядами фрицев вместе с их самолётами в воздухе, чтобы ни одного метра не смогли они пролететь над нашей священной землёй. Передай привет всему личному составу. Жму вам всем крепко руки, боевые мои друзья!

Ваш Зенгбуш».

И едва батарея встала на новые позиции, как Зенгбуш на ней появился сам. Платов начал было ему рапортовать официально и строго, но Зенгбуш по-простецки обнял и поцеловал его, а затем тут же, выстроив весь личный состав батареи, объявил о присвоении очередных званий всем отличившимся. Младшими сержантами в эту минуту стали ефрейторы Исаенко и Лупанин, ефрейторами — красноармейцы Егоров, телефонистка Маруся Щербакова и многие другие.

— Хорошо повоевали, да мало! — сказал Лупанин, — ещё десяток бы сбить!

Едва «батя» уехал, повар Дуся счастливым голосом, сверкая всем рядом своих ровных

зубов, блестя хитрыми глазёнками, запела
излюбленные бойцами частушки:

Первый раз дошла до фронта,
Но бояться не пришлось:
Столько фрицев с небосклонта
В землю носом сорвалось!

Из отечественной пушки
Научилась я стрелять,
Навалила у речушки
Пикировщиков штук пять.

Если в сене есть иголка,
Всё равно её найду!
От зенитного осколка
Фрицы с неба упадут!

Ехал гад на самолёте,
Да нарвался на стрелка,
Коль ты гад, — лежи в болоте,
А не лезь под облака!

Катит он Илья-пророком,
По-над тучей, в город мой,
Да пришлѣпнется он боком
К ленинградской мостовой!

Схватила за плечи первого попавшегося
бойца и пустилась с ним в пляс.

Конец декабря 1942 года. Что ни ночь, то новая радостная весть из-под Ржева, из-под Сталинграда, от армий Среднего Дона и Северного Кавказа. А мы, ленинградцы, славим наших скромных героев, рассказывая вот о таких, как эти, их боевых делах.

В Ленинграде — небывалая в эту пору оттепель. Самые короткие в году дни затягиваются сумерками вскоре после полудня.

Немного дней прошло после описанных здесь событий. И вот, сегодня, перебравшись по неверному льду речки, бредут полем, разбрызгивая лужи и мятый снег, красноармейцы и командиры в шинелях, в полном боевом снаряжении. Впереди всех шагают старший лейтенант Платов и лейтенант Серпиков. Приближаются к темнеющему впереди, размалёванному пятнами маскировки, дому...

В ярко освещённом зале встающий из-за стола президиума генерал вручает Платову орден боевого Красного Знамени. И Платов, тая волнение, лаконически отвечает:

— Служу Советскому Союзу!

Подполковник Зенгбуш вызывает на трибуну лейтенанта Серпикова, и этот, никогда до сих пор не смущавшийся, не терявший са-

мообладания богатырь, спотыкается, входя на трибуну, и переполненный весёлыми людьми зал шумно ободряет его. Все видят, что приняв орден Красной Звезды и тут же горячо расцелованный Зенгбушем, Серпиков волнуется так, что губы его дрожат. Он начинает говорить речь, но запнувшись на словах: «И обещаю ещё сильнее...» — молчит и чуть не плачет с досады, что нужные слова вдруг исчезли. И сердится на себя, и, рубанув воздух кулаком, резко поворачивается к генералу и срывающимся голосом заканчивает: «...громить немецких захватчиков!»

Генерал улыбается, зал рукоплещет, и Серпиков, спрыгнув с трибуны, спешит спрятаться за шинели сгрудившихся у стены бойцов.

Орден Отечественной войны 2-й степени вызывает у всех тайную, но добрую зависть к старшему сержанту Байширу. Медалями «За боевые заслуги» награждены Пилипчик, Исаенко и Конопатский.

И радость их — праздник всей батареи, сегодня и завтра, так же, как вчера, ежеминутно готовой встретить неумолимыми снарядами всякого и на любой высоте летящего к Ленинграду врага.

Павел ЛУКНИЦКИЙ.

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ ВАСИЛИЙ НОВИКОВ

Аэростат повис в воздухе. Немец, сидевший в гондоле, высматривал наши позиции и корректировал огонь своих батарей. Мы находились в орудийном котловане и прислушивались к глухим выстрелам вражеской дальнебойной артиллерии. Снаряды проносились над нашими головами и разрывались неподалёку в мелком кустарнике. Противник простреливал соседний квадрат.

Через несколько минут здесь, на огневой позиции, должно было заседать партийное бюро. Зенитчики, отличившиеся в боях, вступали в ряды большевистской партии. Секретарь партбюро перебирал анкеты и заявления красноармейцев, делая пометки в своём блокноте.

На обложке папки размашистым почерком написано: «Приём в ВКП(б). Младший сержант Василий Новиков». Секретарь просмотрел анкету. Новикову 20 лет, родом он из Майкопа, окончил техникум. В боевой харак-

теристике значилось, что Новиков «бесстрашный боец, не раз своим мужеством и отвагой увлекавший других на выполнение боевой задачи». О самих же подвигах младшего сержанта было написано вскользь.

— Сколько ни говорю командирам батарей,—с досадой сказал нам секретарь партбюро,—пишите боевые характеристики подробнее, раскрывайте в них дела наших людей, а они продолжают писать в общих чертах. Взять хотя бы Новикова, ведь это же герой.

И секретарь партбюро рассказал нам о мужестве младшего командира.

В один из огневых налётов на батарею немецкий снаряд разорвался у орудия Новикова. Осколки засыпали котлован, часть бойцов была выведена из строя. Получил ранение и сам командир. В ногу врезался кусок горячего металла. Из рваной раны сочилась кровь. Младший сержант, преодолевая боль, вылез из котлована, доложил командиру.

— Но я ещё могу драться, сил хватит,—сказал Новиков.

Командир посмотрел на побледневшее лицо зенитчика.

— Отправляйтесь в санчасть, товарищ Новиков, вас проводят.—И хотел уже позвать кого-либо.

— Постоите,—сказал младший сержант,—я уж как-нибудь сам дойду, люди здесь нужнее.

И Новиков пошёл. Каждый раз, когда он оступался, рана давала себя чувствовать. Новиков плотнее сжимал зубы и переводил дыхание. Спустя час он стоял в землянке врача, опираясь рукой на маленький столик. Врач внимательно осмотрел ногу и сказал, что нужна операция, а потом лечение.

— Что вы,—чуть не крикнул зенитчик,—в такое горячее время в тыл? На ногах-то ведь я держусь! Вы уж мне, товарищ военврач, текущий ремонт произведите, а операцию потом, как-нибудь...

Врач взглянул на бойца и решил, что угрозы бесполезны.

— Удивляюсь,—сказал он медсестре,—что за народ. Каждый приходит и просит: «вылечите поскорее», «мне некогда», «не задерживайте». У меня ведь медицинский пункт, а не... мастерская бытового обслуживания.— Все улыбнулись.

Фельдшер промыл рану Новикова, перевязал ногу и предупредил его:

— Меньше движений, товарищ, вам необходимо спокойствие.

Младший сержант ухмыльнулся: — Спокойствие... Это уже после войны».

Выйдя из землянки, Новиков подобрал удобную палку и, опираясь на неё, двинулся к батарее. Боль в ноге утихла, и он шёл сравнительно быстро. Вот и огневая позиция, на горке стоит командир батареи. Младший сержант направился к нему.

— Прибыл с медпункта,—доложил он.— Всё в порядке, готов выполнять любое задание.

Командир довольно улыбнулся.

— Молодец! — принимайте командование вторым орудием.

Новиков пришёл в новый расчёт.

— Буду с вами работать,—объявил он бойцам.— За кровь наших товарищей, за рану свою отомщу врагу и вас к этому призываю.

С первой же минуты Новиков ориентировался в обстановке. И сразу дал боевому расчёту задание.

— Вон, видите, стоят две сосны? По тому курсу всё время немецкие самолёты летают. Надо предварительно подготовить данные и как только «юнkersы» пойдут над деревьями, ударить по ним. Ясно?

Инициатива командира заинтересовала бойцов. Через некоторое время были подготовлены расчёты. К вечеру над позицией взвыли вражеские моторы. «Юнкерсов» заметили ещё

издалека. Новиков предупредил бойцов—огонь открывать тогда, когда стервятники появятся над соснами.

Расчёт командира оказался точным. Только головной «юнкерс» вошел в зону огня, как орудие Новикова ударило—и воздушный бандит камнем полетел к земле.

— Молодцы, ребята!—крикнул младший сержант. Опираясь на палку, он подошёл к наводчику.—Наводи теперь на второй эшелон.

Спустя несколько минут расчёт сбил ещё и второго «юнкерса». Вражеская атака была отбита.

Лейтенант Л. БРОМБЕРГ

САНИНСТРУКТОР ЛЮДМИЛА ФЁДОРОВА

Все мы видели кинофильм «Фронтовые подруги». С восхищением и гордостью смотрели мы на мужественных ленинградских девушек, которые в лютый мороз, не страшась ни пуль, ни снарядов, шли в атаки с бойцами, перевязывали раненых, выносили их на себе с поля боя. В числе этих смелых и стойких девушек, чьи подвиги нам запечатлело кино, была и комсомолка Люся Фёдорова.

22 июня 1941 года, когда весь советский народ, от края до края, встал на защиту любимой Отчизны, в воинскую часть снова пришла санинструктор Фёдорова. Большой заботой о бойцах, скромностью, невзыскательностью, огромным трудолюбием завоевала она любовь и уважение зенитчиков, которые на каждом шагу чувствовали на себе заботу этой девушки.

...Батарея вышла на передний край. Предстояли горячие схватки с воздушным врагом. Боевые расчёты ни на шаг не отходили от

орудий и приборов. И всегда на огневой позиции из котлована в котлован ходила Людмила Фёдорова, бодрым словом и шуткой встречая бойцов. Ни жестокий артиллерийский обстрел, ни мины, рвущиеся вблизи, не смущали и не пугали ленинградскую девушку. Когда осколками ранило бойца, она мгновенно прибежала в котлован, делала перевязку, уносила раненого в укрытие.

— Наша Люся всегда с нами,—говорили зенитчики.

— А как же иначе,—отвечала она,—я ведь у вас одна и о всех позаботиться надо.

... Двенадцать «юнкерсов» шли курсом на батарею. Зенитчики встретили их дружным огнём. В это время немцы усилили артиллерийский обстрел. Группа вражеских самолётов ринулась на батарею и стала сбрасывать бомбы. Командир приказал девушке уйти в укрытие. Ей не хотелось уходить, но она подчинилась приказу командира. Бомба разорвалась у землянки связистов, в которой была вместе с телефонисткой Осиповой и санинструктор Фёдорова. Девушек засыпало землёй, придавило брёвнами.

Бойцы, не занятые у орудий, мгновенно кинулись на помощь. Девушек откопали, вынесли из поражённого места. Но что с Люд-

милой? Взгляд у неё растерянный, она не отвечает на вопросы, словно не слышит их. Но вот она заметила, что упал заместитель командира батареи Мотров, которому раздробило ногу. Людмила Фёдорова вскочила, бросилась к нему. Она быстро наложила на рану жгут, перевязала и даже пробовала поднять раненого, но ей стало плохо, и она упала, теряя сознание.

Очнулась Фёдорова в медсанбате. К великой тревоге врачей и боевых товарищей к ней не вернулась речь. Это было результатом сильной контузии. Фёдорова потеряла речь и слух. Волнуясь, она делала какие-то знаки руками, приподнялась на постели, сиюсь встать. И кто-то догадался: Фёдорова хочет сказать, что надо снять жгут с раздробленной ноги Мотрова.

Через несколько часов Людмиле стало лучше, она заговорила. И первыми словами отважной девушки была просьба разрешить ей вернуться на батарею.

Нельзя передать радость бойцов, увидевших боевую подругу здоровой и невредимой, с санитарной сумкой через плечо, в пилотке, попрежнему подтянутой и строгой.

— Люся вернулась, наша Люся вернулась! — кричали бойцы, приветствуя отважно-

го санинструктора Людмилу Фёдорову—мужественную ленинградскую девушку.

Спустя несколько дней Людмила Фёдорова была награждена медалью «За боевые заслуги».

Б. СЕМЕНОВ

МП 3001

1943г.
Акт № 500/
Вкладн. л. /

ОПЕЧАТКА

На стр. 7 в подписи под рисунком по вине корректора типографии допущена опечатка: место слова „подавила“ следует читать „подбила“.

43-1422/1

Цена 70 коп.

1953

Ир50